

Искусства

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Татьяна ПЕТРЕНКО

Итак, Борис Морозов двадцать лет спустя вернулся в Театр Российской армии, чей порог впервые переступил, еще учась в ГИТИСе.

— Борис Афанасьевич, приход в любой театр, а тем более в Театр Российской армии, на должность главного режиссера — это огромная ответственность, безусловная смелость и определенный риск. Вы сразу дали согласие?

— Вначале я был склонен к тому, чтобы не соглашаться, поскольку очень хорошо творчески чувствовал себя в Малом театре.

Мой приход сюда — это и возвращение. Недавно я вспоминал, как студентом в 1972 году пришел в театр к своему учителю Андрею Алексеевичу Попову на первую постановку, здесь защитил диплом, отсюда поехал на первые гастроли.

Помню, как, проработав пять лет, перед уходом в Театр имени К.С. Станиславского на заседании художественного совета долго, волнуясь, говорил о том, как мне было хорошо, как я благодарен, как дорожу тем, что у меня здесь состоялось. Нина Афанасьевна Сазонова тогда даже спросила: "Боря, если вам так хорошо, зачем же вы уходите?". Но, вероятно, я дол-

Возвращение

жен был пройти этот путь, который превратился в круг и вернул меня обратно.

— Вместе с вами из Малого пришли заведующий литературной частью Б. Любимов и главный художник И. Сумбаташвили. С чего вы хотите начать?

— Я предложил три пьесы: "Сердце не камень" Островского, "На дне" Горького, "Много шума из ничего", но начну я, конечно же, с Шекспира. Комедия, да еще про любовь, много музыки, возможность освоения большого сценического пространства, которое меня всегда интересовало и с которым после постановки пьесы о войнах-ракетчиках "Дело жизни" я больше никогда не сталкивался.

— Вы заговорили о большой сцене, но не секрет, что зал на 1000 мест едва-едва заполняется наполовину. Вы знаете способ, как вернуть зрителя в театр?

— Один, пожалуй, знаю: чтобы мэр города как можно быстрее открыл станцию метро "Достоевская", что находится возле театра. А вообще-то будут интересные спектакли, будут и зрители. Ведь были полные залы и на "Даме с камелиями", и

на "Павле I".

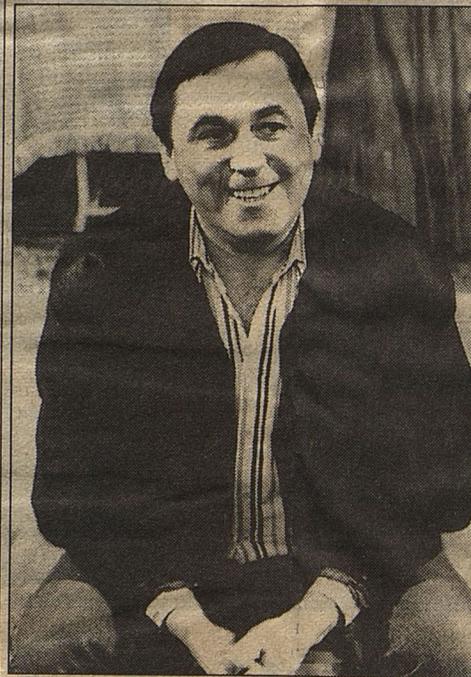
— Успех "Павла I" объяснялся еще и участием приглашенного специально на этот спектакль Олега Борисова. А вы будете приглашать артистов со стороны?

— Театр существует 66 лет. Многие артисты здесь прожили жизнь, я не имею права эту жизнь перечеркивать. Чтобы кого-то пригласить, я должен доказать коллективу, что в этом есть необходимость. В Театре Российской армии столько "звезд", у него столько хороших традиций, что, я думаю, с приглашениями можно и подождать.

— Вы ходите на все свои спектакли?

— Стараюсь не пропускать, иногда просто слушаю по динамику в гримерной, иногда смотрю, но всегда из-за кулис и никогда из зрительного зала. Я даже пытался заставить себя посмотреть из зала, но всегда уходил. Присутствую же я для того, чтобы знать, что происходит со спектаклем, какие он терпит изменения, куда идет.

— Вы в режиссуре 23 года, на вашем счету более 30 спектаклей, что измени-



лось в работе?

— Я стал четче формулировать идею, ни в коем случае не навязывая ее. Стремлюсь сначала добиться, чтобы артисты

мне поверили, без этого не будет взаимопонимания, которым я очень дорожу. Что хорошего в том, что артист задавлен тобой? Ему выходить на сцену, а он зажат. Потому я и не требую беспрекословного подчинения.

Я во главу всего ставлю артиста. В нем, как говорят сегодня, и микро-, и макрокосмос. Наши артисты неподражаемо передают сиюминутное состояние человека, будто все переживания происходят с ними, а не с персонажем. Диву даешься, как умеют они играть на грани чувств, касаясь струн души так, что зритель в зале вздрагивает. Никакими постановочными эффектами, действенной музыкой нельзя добиться такого результата. Никогда не забуду глаза японских зрителей во время гастрольных поездок Малого театра. Как они смотрели! Не отрываясь, боясь пропустить что-либо.

— Как вы считаете, театральный артист может стать популярным?

— Только для узкого круга любителей театра, для широкого вряд ли, тем более что гастрольная жизнь почти отсутствует. Сейчас и кино особенной популярности не прибавляет, но я буду отпускать на съемки, конечно, без ущерба для репетиций и спектаклей. Это нужно не только артисту, но и театру.

— Вы поставили пять спектаклей за рубежом, что мешало или, наоборот, помогало в работе с иностранными артистами?

— В Варшаве во время постановки голевской "Женитьбы" мы общались без переводчика уже через неделю. На Бродвее я открыл для себя, что могу за 28 дней поставить "Зойкину квартиру". Почувствовав вкус к быстрой работе, вернувшись в Москву, через три месяца

закончил работу в Малом над "Горячим сердцем" Островского — в трех действиях! Два спектакля: "Леший" и "...И аз воздам" я перенес на сцену германского театра в Хальбронне, там сложностей не было. А вот в Тель-Авиве, работая над "Чайкой", я никак не мог привыкнуть к динамике языка. Когда я думал, что артист закончил монолог, переводчица говорила, что он едва дошел до середины. В этом спектакле вместе с израильскими артистами репетировали Тригорина — М. Козаков, Заречную — И. Селезнева.

— Правда ли, что таких театралов, как у нас, нет нигде?

— Ну не скажите. Варшава очень театральный город. В Нью-Йорке — длинные очереди выстраиваются к кассам, когда в 12 часов "выбрасывают" за полцены билеты на вечерний спектакль. Да что говорить, если в маленьком немецком городке Хальброн с населением 150 тысяч человек существует специальная компьютерная система продажи билетов, абонементов, отлажен механизм объявлений, рекламы. И в день спектакля туда съезжаются люди со всех близлежащих городков. Интерес к театру и, в частности, русскому огромен.

— Когда-то давно вы, окончив институт, получив диплом инженера-механика, работали в кузнечном цехе Челябинского металлургического комбината. И вдруг уехали в Москву, окончили ГИТИС. Что вы беззаветно влюблены в театр и профессию, я поняла. А что вам в ней не нравится?

— В моей профессии мне нравится все.

21.10.95

Морозов Борис